

Двор

От редакции:

Наш земляк, член редакционного совета альманах Аркадий Львов работает над IV книгой эпопеи "Двор", судьбы героев которой – жильцов одного из домов по переулку Нечипуренко – прослеживаются с 1927 года на протяжении десятилетий.

Публикуем отрывок из главы книги III, вышедшей в московском издательстве "Захаров".

Время действия – весна 1953 года, когда вскоре после смерти Сталина уцелевшие жертвы террора начали возвращаться домой – в Одессу...

Спозаранку, ни свет ни заря, Иона Чеперуха стучал кулаком в двери и требовал, чтобы Зиновий немедленно отворил. Едва ступив через порог, Иона закричал:

– Зюня, я тебе говорил, что Ланда вернется домой! Только что передавали по радио, что доктор Ланда не виноват и может вернуться домой.

– Ланда? Так и сказали по радио: доктор Ланда? – Зиновий стоял на одной ноге, держался рукой за дверь. – Батя, а ну дохни.

Иона дохнул, постоял секунду молча, чтобы сын мог разобраться, и громко воскликнул:

– Ну, теперь ты мне веришь! Сын, я тебе скажу больше: не только один доктор Ланда, а все другие доктора, которых взяли, тоже. Берия приказал, чтобы проверили, как идет следствие, и оказалось все наоборот: врачи не виноваты, а виноваты те, кто вел следствие. И теперь Берия приказал врачей выпустить, а тех, наоборот, посадить.

– Подожди, – остановил Зиновий, – ты говорил, что по радио называли доктора Ланду. Называли или не называли?

– Называли, не называли, – замахал руками Иона. – Какое это имеет значение? Я тебе повторяю: сказали, что врачи не виноваты и всех отпускают домой. И я тебе даю гарантию: через день-два Ланда будет дома.

Из-за стены раздался стук, чтобы не шумели так громко, не дают людям спать. Иона, вместо того чтобы понизить голос, как просили, расшумелся еще больше:

– Пушкарь, ты слышал своими ушами, повторять не надо: доктор Ланда возвращается домой.

Федя Пушкарь опять постучал, в этот раз громче. Иона понизил голос,

можно было думать, этим ограничится, но Пушкарь воспользовался тишиной, чтобы вставить свое слово:

— Не кричи гоп, пока не перескочишь!

— Колхозник, — закричал весело в ответ Иона, — вертайся до своих коров и свиней, там будешь давать свои советы! А сегодня заходи вечером, позови Степу, выпьем за доктора Ланду и за Дегтяря, который не дожил!

Пушкарь ответил, хорошо, он зайдет, вчера он достал две большие тараньки и рыбца, привезли из Николаева, а горилку пусть обеспечит Иона.

Зиновий хотел усадить отца за стол, чтобы вместе позавтракать, а то до вечера, пока Пушкарь принесет свою тараньку, еще далеко, но Иона в ответ замахал руками, нету ни одной свободной минуты, надо бежать к Бирюку и напомнить этому фрицу, как он кричал на Чеперуху, что пойдет в энквэдэ, и пусть там выведут биндюжника Чеперуху на чистую воду.

— Батя, не дури, — Зиновий пытался остановить отца, но тот уже захлопнул дверь, через открытую форточку можно было только услышать слова: этот берлинец еще попляшет на коленях, и весь двор будет свидетель, как он просит, чтобы биндюжник Чеперуха простил его.

Слышно было, как в парадной цокают по чугунной лестнице тяжелые сапоги, и через минуту в утренней тишине на весь двор раздался голос Чеперухи:

— Эй, майор, открывай свои двери: телеграмма от полковника Ланды, чтобы майор Бирюк подготовил встречу!

Зиновий, когда услышал, набросил на себя макинтош, хотел немедленно подняться вверх, увести отца, иначе наверняка разразится скандал, и майор Бирюк будет прав на все сто процентов. Но вопреки ожиданиям никаких голосов — ни громких, ни тихих — больше не было, видно, хозяин открыл двери, впустил непрошеного гостя, и теперь разговор шел в квартире. Квартира есть квартира, и врваться, как его отец, спозаранку к соседу Зиновий не мог позволить себе, тем более по делу, которое к нему лично не имело отношения.

Слышно было, как Федя Пушкарь открыл свои двери, видимо, тоже стоял и прислушивался, но поскольку шум прекратился, через пару минут захлопнул.

Катерина, нечесаная, в ночной рубаше, вышла из другой комнаты, устала на Зиновия:

— Ты чего караулишь? Слышала во сне папашин голос: своего друга Ланду звал. А тот, — Катерина засмеялась, — в ответ звал к себе: "Давай, Иона, сюда, здесь для тебя на нарах свободное место рядом, вдвоем весе-

лее!". Дурень, — Катерина подошла, прижалась, — говорила тебе: Гизеллу все равно выселят, не спи, дергай в исполкоме за все ручки, пусть передадут квартиру офицеру-инвалиду Зиновию Чеперухе, семья четыре человека. Ну не можешь сам, скажи: не могу. Вдвоем будем теревить. Не хочешь вдвоем — сама пойдю, одна.

Катерина взяла руками голову Зиновия, сказала, пусть не отворачивается, пусть смотрит в глаза, Зиновий сбросил руки, посмотрел внимательно в глаза, как будто испытывает, и произнес:

— Готовь, Катерина батьковна, хлеб-соль: полковник Ланда возвращается домой.

— Шутишь! — воскликнула Катерина.

— Шучу, — сказал Зиновий, включил радио, комната наполнилась звонкими пионерскими голосами: "И все мы в бой пойдем за власть Советов, все, как один, умрем в борьбе за это!".

Катерина затрясла кулаками, пусть немедленно выключит свое радио, а то дети проснутся.

Но дети уже сами проснулись, выскочили оба из своей спальни и просили папу, чтобы не выключал радио, эту песню как раз вчера учили в детском саду, и воспитательница велела, чтобы все выучили наизусть, а кто не выучит, того поставят в угол, и будет стоять, пока не выучит.

Когда песня кончилась, диктор сказал, с первых дней апреля в нынешнем году по всей стране началась всенародная подготовка к празднованию годовщины со дня рождения Владимира Ильича Ленина. В Ульяновске, бывшем Симбирске, где Ильич провел свои детские и юные годы, организована выставка: "Ленин — вождь и создатель Коммунистической партии и Советского государства". На выставке широко представлены подлинники и копии документов, написанных лично Лениным.

Зиновий внимательно слушал, Катерина сказала, эти новости она уже слышала у себя в Улан-Удэ, когда принимали в пионеры, Зиновий не откликнулся, прослушал сообщения по стране до конца, Катерина насмешливо спросила, ну, где та байка, что Ланда возвращается домой, надо готовить хлеб-соль, Зиновий пропустил мимо ушей, на лице росло удивление, и громко произнес:

— Катерина, ты слышала, ни разу не назвали Сталина.

Катерина пожала плечами: а чего называть? Кто именинник, того называли. Зиновий посмотрел внимательно, как раньше, как будто хотел прочитать в глазах, Катерина вдруг вспыхнула:

— Брось ты, Зиновий Ионыч, свои одесские штучки: есть чего сказать,

говори, а читать в глазах, как покойный ваш Дегтярь, ты забудь это. Свято место пустовать не будет: ты не спеши занимать.

Катерина вся напряглась, дети смотрели испуганно, прижались один к другому, Зиновий неожиданно подмигнул, засмеялся, крикнул мальчикам весело:

— А ну-ка, дети, скажите своей маме медведице, что на дворе уже апрель, пора вылезать из берлоги!

— Мама, — закричали хором Гриша и Миша, — вылезай из своей берлоги: на дворе уже апрель!

Катерина схватила одного и другого за уши, мальчики, хотя лица скривились от боли, в один голос завопили, а нам не больно, в это время распахнулась дверь, влетел дед Чеперуха, вырвал внуков из рук Катерины, подставил свою седую голову и сказал, если так сильно нейметя, пусть дерет за уши его, только раз-два, а то пора на работу, он не успеет рассказать про Бирюка и Бирючку, как те его кормили завтраком у себя дома.

Катерина, вместо того чтобы ответить свекру как надо за то, что подрывает авторитет матери перед детьми, вдруг сама развеселилась, как будто в самом деле смешно, и предложила Ионе, пусть еще расскажет, как хозяева уложили его между собой и поднесли в постель пол-литра.

Старый Чеперуха ответил, пол-литра не поднесли, а стопку таки поставили, и не одну, а две.

— Можете сказать, и три, — насмешливо повела плечами Катерина.

Чеперуха наморщил лоб, будто припоминает, загнул один палец, другой, третий и громко топнул ногой:

— Катерина, чтоб я так был здоров, ты права: таки не две, а три!

Зиновий нахмурился, видно, не нравилась вся сцена, Иона опять топнул ногой:

— Зюня, ты можешь быть гордый за своего папу. Твоя чалдонка угадала на все сто процентов: не две стопки, а три. Майор как раз успел сказать тост, что Бог любит троицу, но Бирючка выхватила прямо из рук, до вечера еще далеко, день только начинается, а с Чеперухой немного опоздала, так что получилось ровно три.

— Ровно три, — топнул ногой Гриша, за ним топнул Миша, — ровно три!

Мальчики прижались к деду, Иона поднял обоих на руки, как будто Первое мая или Седьмое ноября, и торжественно произнес:

— Внуки, запомните навсегда этот день! Сегодня майор Бирюк, Герой Советского Союза, которому дали пост в самом Берлине, чтобы охранял нашу советскую власть, сказал вашему деду: "Иона Чеперуха, ты был прав

насчет доктора Ланды, а я был неправ, и прошу тебя как солдат солдата, не поминай меня лихом и прости!"

— Дед, — закричали Гриша и Миша, — он плохой, он на тебя кричал, пусть просит, пусть станет на колени, а ты скажи ему: не хочу простить!

— Внуки мои, — старый Чеперуха поцеловал одного и другого в щеки, громко крикнул, оба заложили пальцами уши, — внуки мои, человек не должен быть злой, не должен злиться. Человек может рассердиться, — Иона задумался, качнул головой, — да, рассердиться может, но злиться, держать злобу в душе не надо. Кто держит внутри злобу, тот себе портит жизнь и другим портит.

— Папаша, — сказала Катерина, — кончайте свою философию, здесь не хедер и не Красный уголок.

— Катерина, — Иона подошел вплотную, положил руку на плечо, — откуда у молодой женщины столько желчи на людей? Пойди к доктору, проверься на камни, может быть, надо сделать операцию, пока не поздно.

— Не ваша забота, — Катерина наклонила голову, сбросила руку. — Не я садила вашего Ланду, но раз посадили, значит, было за что. Так просто, ни с того ни с сего, не садят.

— Дурочка, — сказал Иона, хотел опять положить руку на плечо, но Катерина уклонилась, — дурочка, вместо того чтобы вылеживаться по утрам и гадать на кофейной гуще, лучше вставай спозаранку, как встает Иона, и включи свой репродуктор.

— Тьфу, — сплюнула Катерина, — а горел бы он огнем, ваш репродуктор!

— Дед, — закричали хором Миша и Гриша, — а горел бы огнем твой репродуктор!

Катерина завела руку кверху, вроде собирается шлепнуть, но в это время постучал за стеной Федя Пушкарь:

— Эй, прекратите свой гармидер и слушайте, что говорит радио.

— О! — Иона поднял свой палец к потолку, все машинально посмотрели вслед, как будто ожидали голоса сверху, но голос шел сбоку из-за стены: Федя Пушкарь сделал как можно громче, чтобы соседи могли послушать вместе с ним.

Начало уже пропустили, но по смыслу легко можно было догадаться, что диктор — все узнали голос Левитана — говорит про врачей:

— ...были арестованы неправильно, без каких-либо законных оснований... — в комнате у Пушкаря радио сильно затрещало, Зиновий быстро включил свой приемник и сразу нашел станцию. — Показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получе-

ны работниками следственной части бывшего Министерства госбезопасности путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия...

— Да где же здесь про вашего Ланду? — развела руками Катерина.

Старый Чеперуха, хотя никто не просил, подскочил к приемнику, сделал на полную громкость, так что теперь глухонемой мог услышать. Левитан говорил торжественным голосом, как во время войны, когда передавали приказы Верховного Главнокомандующего про победы наших войск над немцами и наступление на Берлин:

— Привлеченные по этому делу полностью реабилитированы, из-под стражи освобождены, а лица, виновные в неправильном ведении следствия, арестованы и привлечены к уголовной ответственности.

— Ах, сукины дети! — Иона хлопнул в ладони, Гриша и Миша тоже хлопнули и повторили вслед за дедом: — Ах, сукины дети!

Катерина схватила Гришу и Мишу, в один прием обоих, за уши, закричала, чтоб не повторяли уличные слова, старый Чеперуха наклонил голову, подставил прямо под руку, пусть хватает его, а на детей пусть руку не поднимает.

Катерина вдруг заплакала, набросилась на Зиновия:

— Что, христардник, доигрался, дождемся, теперь молчишь, как истукан! Господи, за что, — Катерина затрясла руками, — за что, Господи!

— Чалдонка, — весело закричал Иона, — перестань свои кулацкие штуки, а то допросишься у Бога, что будешь опять, как та старуха в сказке про золотую рыбку, сидеть у разбитого корыта!

— Зиновий, — Катерина вытерла кулаком слезы, видно было, что уже взяла себя в руки, — ты скажи своему Ионе Аврумовичу, кто привык всю жизнь жить в нужнике, того в нужнике и похоронят, а я сама у отца-матери жила по-людски, и мои дети будут жить по-людски, а не только ваши Ланды да Гизеллы.

— Наши Ланды да Гизеллы? — переспросил Зиновий. — Что ты имеешь в виду?

— А то имею в виду, — скривилась Катерина, — что все люди имеют в виду, и нечего пялить зеньки, как солдат на вошь.

— Как солдат на вошь, как солдат на вошь! — обрадовались Гриша и Миша, подбежали к деду и спрятались за спиной.

— А ну, байстрюки, марш одеваться! — скомандовала Катерина.

— Подожди, — остановил Зиновий. — Я просил тебя объяснить, что ты имела в виду: какие наши Ланды да Гизеллы?

— Зюня, — встрял старый Чеперуха, — не придирайся к человеку: ничего она не имела в виду. Она просто повторяет то, что говорят другие: наши евреи умеют устраиваться. Да, — сказал Иона, — умеют. Но я хочу у тебя спросить, Катерина батьковна: ты говоришь, что живешь в нужнике, а по-моему, твой Зюнчик тоже сумел неплохо устроиться, и покойный Дегтярь был тысячу раз прав. А что касается нашего доктора Ланды, так пусть Иона Чеперуха не доживет до того дня, когда его внуки будут жить в квартире доктора Ланды, потому что доктора Ланду посадили в тюрьму. Кому нравится, пусть въезжает, а Иона Чеперуха, его сын и внуки на чужих костях в рай въезжать не будут.

— Только на своих биндюгах, — засмеялась Катерина. — У вас в Одессе, как послушать, так каждый биндюжник — Дюк Ришелье.

— Ерусалимские дворяне, — крикнул из-за стены Федя Пушкарь, — чумакам не свояки: ездят верхом на чужом горбу!

— Вот, — Катерина указала рукой на стену и поддела носком плинтус, чтоб сосед мог лучше услышать, — так и жить будем: пусть всякий Федя ухом приложится — да еще дырку в декорации просверлит.

За стеной послышался смех, но тут же оборвался: человек зашелся в сильном кашле и никак не мог унять.

— Федя, — постучал кулаком Иона, — а ты не затыкай себе рот: не дай Бог, навсегда поперхнуться можно.

— А вы, Иона Аврумович, не волнуйтесь, — нарочно громко, чтоб хорошо было слышно за стеной, сказала Катерина. — Федя хоть подавится, а слово свое, где надо, скажет. За ним не пропадет. Раньше до Дегтяря да Малой бегал, а теперь на повышение пошел — прямо на Бебеля половичок сладили.

— Ну, чалдонка, ну, баба, — Иона развел руки, захватил Катерину в охапку, — вот за это я тебя люблю! Не то, что наши одесситки: только на мужа гаркают и своими ляжками трясут!

Катерина сделала вид, что увертывается, и закричала, вроде зовет на помощь:

— Мадам Малая! Мадам Малая!

Гриша и Миша схватили деда за штаны, как будто оттаскивают, чтобы помочь маме, и хором тоже закричали:

— Бабушка Малая! Бабушка Малая!

Самое удивительное, что тут же постучали в дверь, Зиновий едва успел отворить, и на пороге встала сама Клава Ивановна.

— Чтоб я так была здорова, — поклялась Клава Ивановна, — сердце

подсказало мне, что Чеперухи меня ждут. Я сказала себе: Малая, хватит вылеживать свои боки — не надо ждать, пока позовут, а надо нагрязнуть к людям как гром среди ясного неба, чтоб было настоящее чудо.

Клава Ивановна была в своем домашнем халате из добротной серой байки, немного похоже на балахон, пояс впопыхах забыла завязать, одним концом волочилась по полу, Зиновий подобрал, быстро свернул в клубок, положил в карман халата. Клава Ивановна машинально схватилась рукой, как будто поймала воришку, но оказалось, это был только хитрый маневр, чтобы отвлечь внимание хозяев: засунув руку в другой карман, Клава Ивановна немного нахмурилась, будто не может найти то, что ищет, но тут же, как фокусник в цирке, выдернула руку из кармана, подняла высоко над головой, в руке была бутылка, на дне лежал зубец чеснока и стручок красного перца.

— Иона, — сказала Клава Ивановна, — это тебе персонально, чтоб мы все могли сегодня выпить за нашего доктора Ланду, которому ты собирал подписи от жильцов дома, когда никому другому не приходило в голову.

— Мадам Малая, — Иона смотрел как замороженный, смахнул большим пальцем с глаза слезу, — в старое время люди привыкли говорить: до царя далеко, а до Бога высоко. А я отвечаю: смотря какой царь, смотря какой Бог. Сегодня утром я зашел до Бирюка, и в присутствии жены и всей семьи он вслух признал: "Иона, то, что ты делал, тогда было ошибкой и неправильно. Но пришло время, наши органы разобрались, и оказалось, рабочая совесть тебя не подвела". Прямо в подштанниках, он даже не успел завязать штрипки, майор взял из буфета графин и сказал тост: "Иона, цыплят по осени считают. К народу, Иона Аврумович, надо прислушиваться: отмахиваться нельзя".

— Чеперуха, — мадам Малая велела поставить бутылку в шифоньер, пусть постоит, она скажет, когда пора откупорить, — я всегда знала и всегда говорила: снаружи, по манерам, Иона Чеперуха бывает грубый, как биндюжник с Молдаванки, но внутри у него доброе сердце, которое болит за правду.

— О, — воскликнул Иона, — теперь, когда сам товарищ Берия за меня и заявил, что Чеперуха таки был прав, все подхалимничают и хотят со мной дружить!

— Чеперуха, — мадам Малая зажмурила глаза, седые брови высоко поднялись над переносицей, — теперь, когда в нашем доме уже нет товарища Дегтяря, который поправлял нас на каждом шагу, надо помнить и нельзя забывать ни на минуту: каждый должен требовать от себя, как

требовал покойный Дегтярь, который всегда верил и знал, что если кого-то взяли по ошибке, как взяли нашего Ланду, обязательно придет день, партия разберется, и человек вернется домой.

Иона задумался, на лбу собрались морщины, сделал рукой движение, видно было, хочет задать мадам Малой вопрос, но Зиновий, который до этого момента внимательно слушал и молчал, опередил и спросил первый: почему сообщение, что врачей арестовали незаконно и подвергали пыткам, идет от имени Министерства внутренних дел, которым руководит Берия, а не от имени ЦК партии или Генеральной прокуратуры, которая подотчетна Верховному Совету?

— Зюня, — воскликнул старый Чеперуха, — это с твоей стороны некрасиво перебегать дорогу отцу. Пусть мадам Малая пока подумает, а я тебе отвечу. Все знают, Сталин был грузин, и Берия — грузин. Можно было рассчитывать, что после Сталина будет Берия. Но в Кремле решили по-своему: главным назначили Маленкова, а заместителем Берию. Но все равно, люди помнят: Берия есть Берия, Сталин любил его и доверял больше всех. И если Берия говорит, что врачей взяли даром, врачи не виноваты, все люди верят и говорят: товарищ Берия, вам спасибо, а виновных надо поставить к стенке и расстрелять. А расстреливать — это всегда была работа ГПУ и НКВД, а партия расстрелами не занимается. Партия руководит и учит — это ее работа. А расстреливать, — повторил Иона, — это всегда была работа НКВД, и для этого партия их поставила.

— Чеперуха, — замахала руками мадам Малая, — остановись! Я тебе говорю, остановись, а то у тебя в голове такой гармидер, что даже у покойного Фимы Граника был больше порядок!

За стеной, у Феде Пушкаря, загремело, как в мастерской у жестянщика, как будто кот, который неудачно прыгнул с полки на верстак, сбросил на пол все кастрюли, миски и листы жести.

Катерина подошла к стене, громко постучала и окликнула:

— Федя! Пушкарь! Ты еще живой там, невредимый, или пробило дырку в голове, надо срочно карету вызывать?

Все замолкли, стали машинально прислушиваться, но никто не отвечал. Иона вдруг сорвался с места, сказал, он постучит Феде в дверь, просто так, ему интересно знать, дома Пушкарь или уже ушел на работу, мадам Малая хотела загородить выход, но пока дошла до дверей, Иона был уже с той стороны и тарабанил к Пушкарю так, что в комнате у Зиновия все дрожало, и люстра качалась под потолком, как будто землетрясение.

— Зиновий, — сказала Клава Ивановна, — если ты хочешь, чтобы

у твоих сыновей был рядом дед, который в выходной день может взять их, чтобы пойти с ними погулять на Дерibasовскую или поехать в Аркадию, объясни ему по-хорошему, пока есть время и еще не поздно: Дегтярь лежит на кладбище, но советская власть у нас не кончилась. Объясни ему, этому старому биндюжнику: советская власть не кончилась.

— И никогда не кончится, — добавила Катерина.

— Правильно, Катерина, — похвалила Клава Ивановна, — и никогда не кончится, хотя я слышу в твоём голосе нотки, которые чужой человек, если не знает тебя, может услышать по-своему.

Зиновий вдруг, как будто какой-то веселый спектакль или клоун показывает в цирке свои трюки, зашелся в смехе, схватился за живот, Гриша и Миша тоже схватились за животы, Клава Ивановна сама не выдержала, стала смеяться, одна Катерина стояла неподвижно, будто нашел столбняк. Старый Чеперуха отворил дверь, остановился в проходе, по глазам видно было, не понимает, откуда такое веселье, но тут же, чтобы не отставать и не портить людям праздник, открыл шифоньер, вынул бутылку, отпил немного прямо из горла, произнес тост за доктора Ланду, за весь двор и всех соседей, чтобы жили всегда дружно и не знали горя, сделал еще пару глотков, слышно было, как булькает в горле, поставил бутылку обратно в шифоньер и сказал, пусть стоит до вечера, Федя Пушкарь вернется с работы и можно будет вместе отпраздновать.

Когда успокоились, Клава Ивановна напомнила Зиновию, пусть поговорит с отцом, а со своей стороны дала старому Чеперухе совет, сначала думать, а потом говорить, чтобы не приходилось гадать, слышно у соседа за стеной или не слышно.

— Гадать? — удивился Иона. — Почему гадать? Если сосед дома, так он слышит. А если его нет дома, так он не слышит. Но иногда сидят так тихо, что неизвестно, дома или не дома, и тогда приходится постучать в двери или позвонить, чтобы сосед ответил, дома он или не дома.

— Чеперуха, — покачала головой Клава Ивановна, — я вижу, лавры покойного Ефима Граника не дают тебе покоя: ты хочешь притворяться идиотом, чтобы смешить людей и говорить все, что тебе ударит в голову. Иона, — опять покачала головой Клава Ивановна, — но ты не Ефим Граник: он потерял все на свете — детей, жену, семью. А у тебя все есть: дети, жена, семья. И вдобавок, внуки. Иона, я повторяю тебе: ты не Ефим Граник.

Иона, хотя до этой минуты был настроен миролюбиво и мог радоваться вместе со всеми, что все складывается так хорошо и удачно, вдруг, когда никто не ожидал, набросился, словно укусила какая-то муха, на мадам

Малую с такими словами, что Катерина немедленно схватила Гришу и Мишу, вытолкала в другую комнату, только бы не слышали, какие выражения сыплются изо рта у деда. Зиновий, вместо того чтобы немедленно вмешаться и остановить, пока еще не поздно, сидел, как будто заколдованный на своем стуле, только хлопал глазами, вроде перед ним не родной отец, а незнакомый, посторонний человек ворвался неизвестно откуда и устроил настоящий погром.

Старуха Малая раскрыла рот, голова заметно тряслась, Иона обозвал неприличным словом, вынул из шифоньера бутылку, которую подарила ему персонально мадам Малая, бросил на пол, растоптал своими сапогами, комната сразу наполнилась запахом спирта, немного отдавало сивухой, и тут только Зиновий пришел в себя, схватил отца за плечи, усадил на диван, велел сидеть и не двигаться. Иона сделал попытку встать, Зиновий усадил вторично, подошел к мадам Малой, у старухи текли по щекам слезы, голова тряслась еще сильнее, Зиновий осторожно взял под руку, повел к дверям, гостья не сопротивлялась, шла покорно, Зиновий обнял за плечи, слегка прижал к себе, мадам Малая тихонько бормотала:

— Дети мои, дети. Мои дети.

— Мадам Малая, — сказал Зиновий, — вы же знаете моего папу, особенно когда выпьет. Это моя вина. Я виноват.

Зиновий предложил проводить домой, Клава Ивановна махнула рукой, не надо, сама притворила за собой дверь, потопталась немного на одном месте, как будто забыла, в какую сторону идти, отворилась Федина дверь, у порога стоял хозяин.

— Пушкарь? Ты дома. А, — покачала головой Клава Ивановна, — Иона так и думал, что ты дома.

— Дома, — подтвердил Пушкарь.

— Дома, — повторила Клава Ивановна, проходя мимо. — Я вижу, ты дома. Ты, наверно, слышал...

— Слышал, — кивнул Федя.

— ...нашего Ланду... — Клава Ивановна вдруг качнулась, протянула руку, будто хочет ухватиться за стенку, и свалилась как подкошенная.

Федя подбежал, стал поднимать, но тут же воротился, захлопнул двери, чтоб люди видели, только что пришел с улицы, застал Клаву Ивановну без памяти, в двух шагах от порога Чеперухи, откуда минуту назад старуха вышла, и громко стал звать на помощь.

Выскочила Катерина, за ней Зиновий, выглянули из окон соседи, Катерина наклонилась, взяла за руку, пыталась нащупать пульс, хлопнула

несколько раз по щекам, голова качнулась влево, вправо, глаза оставались закрытыми, Федя спросил: кончилась? Катерина не ответила, с третьего этажа на весь двор закричали:

— Мадам Малая скончалась! Лежит возле форпоста, где Чеперухи.

Через две минуты вокруг собралась толпа, Катерина требовала, чтобы освободили пространство, а то нарочно создают условия для асфиксии, люди соглашались, что надо расступиться, освободить пространство, но получалось наоборот, еще теснее обступали, пока, наконец, не вмешался старый Чеперуха, который один, как будто у себя в конюшне, не растолкал, раскидал людей, поднял с земли мадам Малую и понес на второй этаж, чтобы могла отлежаться на своей постели.

Катерина велела всем выйти, пришлось буквально выставлять, осталась одна у постели, взяла пузырек с нашатырем, аптечка стояла на тумбочке, прямо у изголовья, поднесла большой к носу, слегка смочила ноздри, послышался слабый стон, Клава Ивановна открыла глаза, во взгляде было недоумение, тихо спросила:

— Где я? Что со мной? — Чуть скривились губы, похоже было на горькую усмешку. — Я живая?

— Живая! — Катерина засмеялась, поцеловала в лоб. — Сто двадцать лет жить будете.

— А где этот... — Клава Ивановна напряглась, видно, пыталась вспомнить имя и не могла, — ну, этот, который растоптал своими ногами бутылку, я принесла ему подарок?

Катерина нахмурилась, в глазах мелькнула тревога:

— Мой тесть?

— Да, да, — обрадовалась мадам Малая, — твой тесть, ну, как его зовут? Я вижу, ты забыла, как его зовут. Ну, возьми себя в руки, ты должна вспомнить.

— Чеперуха, — Катерина наклонила голову. — Иона.

— Чеперуха, — повторила Клава Ивановна, — правильно: Иона Чеперуха. Он схватил топор и бегал за своим Зюнчиком по двору, а Степа Хомицкий и Фима Граник его останавливали. Я давно не видела Фиму. Ты не знаешь: где Фима? Раньше он жил на третьем этаже, а теперь с тобой рядом. Ты не любишь его, ты плохо к нему относишься.

Катерина взяла Клаву Ивановну за руку, пальцы были холодные, слегка помассировала и сказала:

— Лежите спокойно, не надо думать и вспоминать о плохом. Надо думать только о хорошем. Вам нельзя волноваться. Думайте только о хорошем.

— Катерина, — сказала Клава Ивановна, — здесь под кроватью горшок. Дай горшок: мне надо вырвать.

Катерина наклонилась, достала горшок, но пока поднесла, больную вырвало, все попало на халат, Катерина собрала в ладонь, стряхнула в горшок, взяла полотенце, смочила, тщательно вытерла, осталось только влажное пятно и немножко неприятный запах.

Клава Ивановна сказала, она хочет встать, пусть Катерина поможет ей, а то кружится голова, как будто долго качалась на качелях.

Катерина объяснила, вставать нельзя, только что был сильный обморок, наверно, спазм сосудов мозга, полагается лежать и сохранять абсолютный покой, пока не наступит полное восстановление сил.

Клава Ивановна сказала, она не хочет абсолютного покоя, пусть у наших врагов на том свете будет абсолютный покой, а у нее есть работа и, если она сама не сделает, никто другой за нее не сделает.

Катерина терпеливо выслушала, согласилась, да, Клава Ивановна сама должна сделать свою работу, никто другой не сделает, но если человек заболел и надо полежать, значит, надо полежать, а капризы ни к чему.

— Сволочи, — заплакала Клава Ивановна, — пока Малая на ногах, она за всеми ухаживает и подносит горшки, чтобы не делали под себя, а когда Малая говорит, помогите мне подняться, вы находите всякие отговорки, чтоб уложить ее навсегда, и тогда каждый сможет делать, как хочет!

— Очень хорошо, — сказала Катерина, — я вижу, вы уже при полной памяти, но все равно придется полежать. А хотите по-своему, сами и управляйтесь, я пособлять не стану.

Клава Ивановна привстала, оперлась на локоть, на шее от напряжения вздулись жилы, темно-синие, с лиловым отливом, Катерина молча смотрела, машинально сделала движение, чтобы помочь, но сдержала себя, Клава Ивановна сама продолжала подниматься, наконец выпрямилась, прислонилась спиной к стене, ноги опустила на пол, но, видно, потратила слишком много сил и опять свалилась.

— Мадам Малая, — сказала Катерина, — теперь вы сами видите: пока надо лежать.

— Помогите мне, — опять заплакала больная, — помогите! Я прошу: помогите!

Это была уже не просьба, это был крик о помощи, как будто кто-то навязывает свою волю или прямо насилует, Катерина грубо осадилась, сказала, у нее тоже терпение не железное, всему есть предел, но Клава Ивановна, вместо того чтобы взять себя в руки, как можно было ожидать в ее положении, наоборот, собрала все свои силы и опять стала выкликать:

— Помогите! Ратуйте!

Катерина закрыла уши ладонями, чтобы не слышать этих воплей, но вдруг задергалась ручка, дверь затряслась от стука и грохота, словно высаживают тараном.

Катерина крикнула, чтоб прекратили бесчинства, а то придется вызвать милицию, но стук тут же повторился, Катерина побежала отворять и, едва отомкнула, увидела, что на пороге стоит майор Бирюк, в мундире, при всех своих регалиях.

Не говоря ни слова, майор отодвинул Катерину в сторону, как будто не живой человек, а какая-то кукла или манекен, подошел к мадам Малой, с ходу спросил, почему она лежит, почему не встает, Клава Ивановна смотрела испуганными глазами, Андрей Петрович протянул руку, чтоб больная могла схватиться, и громко приказал:

— Вставай, Малая!

Катерина, наконец, опаматовалась, подошла к Андрею Петровичу, хотела оттолкнуть, как он давеча, едва ступив через порог, оттолкнул ее, но майор даже не качнулся, как будто ноги магнитом притянуло к полу, только посмотрел нехорошими глазами и, кивнув в сторону Малой, то ли спрашивал, то ли сам ставил диагноз:

— У старухи удар? Я в курсе дела. Разберемся. Пока вызывай скорую помощь, надо отправить в больницу.

Катерина сказала, это не удар, просто сильный спазм сосудов головного мозга. Майор махнул рукой и обратился к больной:

— Малая, у тебя шалят сосуды. Надо вызвать скорую помощь, чтобы отвезли в больницу. Малая, приготовься. Оставь, кому хочешь, ключи, чтобы могли присмотреть за домом. Можешь оставить мне, я сам организую.

— Бирюк, — больная протянула обе руки, кожа была морщинистая, с коричневыми пятнами от запястья до локтя, — зачем тебе надо, чтобы меня забрали в больницу? Я не хочу в больницу, прошу тебя, я хочу остаться у себя дома. Я обещаю тебе: завтра я буду уже на ногах, и никому не надо будет возиться со мной.

— Малая, — перебил майор, — давай не будем разводить канитель. Сказано: у тебя шалят сосуды, надо принимать меры. Я позвоню, чтобы прислали карету. Когда в больнице обследуют, будем решать, — Андрей Петрович кивнул в сторону Катерины, — что делать дальше. Пока задание номер один: госпитализация.

Андрей Петрович вышел, тут же заглянул старый Чеперуха, Катерина сделала знак, чтоб не заходил, но все равно зашел, кулаками сжал с обеих

сторон голову, Клава Ивановна повернулась, увидела, поманила пальцем, пусть подойдет к ней.

Иона топтался на одном месте, видно, не решался или не понял, что зовут. Малая опять поманила пальцем и сказала:

— Подойди, я зову тебя.

Иона стоял растерянный, было впечатление, что ждет сигнала от невестки, Катерина процедила:

— Чего теперь галантерейничать: подходите, Иона Аврумович, коли зовут.

Иона подошел, правый глаз немного слезился, вытер кулаком, мадам Малая ласково улыбнулась:

— Чеперуха, ты знаешь: нашего доктора Ланду выпустили.

Иона улыбнулся в ответ: он знает. Из-за этого все получилось: если бы радио не объявило про врачей и про доктора Ланду, которые ни в чем не виноваты и могут вернуться домой, он бы не выпил сначала с Бирюком, потом немножко у Зиновия, когда мадам Малая принесла ему персональный подарок. Все были бы живы и здоровы, мадам Малая не лежала бы теперь с головой и сосудами, так что приходится думать черт знает что.

— Малая, — правый глаз опять стал слезиться, Иона провел кулаком, чтобы вытереть, — ты таки права: я еще больше идиот и дурак, чем покойный Фима Граник, пусть земля ему будет пухом. И как ни тяжело, что Дегтярь умер, но не дай Бог ему все это видеть и слышать. Жалко только, что он не дожил и так уже никогда не узнает, что Берия освободил наше-го Ланду и вместе с ним всех остальных докторов и врачей.

— Иона, — нахмурилась Клава Ивановна, — почему ты сказал про Фиму, пусть земля ему будет пухом? Он опять набедокурил и прячется неизвестно где?

— Малая, — Иона улыбнулся, развел руками, — ты из чистого золота: только что ты имела обморок, а теперь шутишь, как ни в чем не бывало. Малая, я хочу поцеловать твои золотые руки, которые делали нам столько добра, что все вместе разом мы не стоим твоего мизинца.

Иона наклонился, взял руку мадам Малой, немного приподнял, прижался губами, Клава Ивановна зажмурилась от удовольствия глаза:

— Ах ты, старый супник, тебе дай волю — ты всех женщин перепортишь!

— Ой, Малая, — запричитал Иона, как будто над покойником, — я сволочь, я последняя сволочь, и меня надо стегать бато-гом, как я своих коней, когда не хотят идти вперед и тянут в разные стороны!

Свободной рукой Клава Ивановна провела у Ионы по волосам, сказала, стал совсем седой, а в голове все равно ветер, как в двадцать пятом го-

ду, бедная Оля была беременная, должен был родиться Зюнчик, а Иона бегал к Циле из тринадцатого номера, и весь переулочек видел, так что стыдно было смотреть людям в глаза.

— Малая, — Иона опустил голову еще ниже, — здесь рядом стоит Катерина и все слышит своими ушами, а ты выводишь Чеперуху на чистую воду, чтобы через тридцать лет краснел и раскаивался, как будто только вчера, и все должны помнить.

— Чеперуха, — сказала мадам Малая, — люди все помнят. Как говорил покойный Дегтярь: у нас хорошая память — мы ничего не забываем. А теперь немножко отодвинься: что-то мне не по себе, опять тошнит. Катерина, подай сюда горшок, чтоб стоял рядом.

Катерина, которая смотрела на Клаву Ивановну и своего тестя во все глаза, так что не могла оторваться, откликнулась не сразу, Иона не стал ждать, сам полез под кровать, достал горшок, поставил прямо у изголовья, но Клава Ивановна сделала знак рукой, пусть уберет, пока не надо.

Внезапно из коридора задергали ручку, послышался сильный стук в двери, Катерина была уверена, что вернулся майор Бирюк, пошла открывать, но оказалось, дергает и стучит Ляля Орлова, которая тут же влетела в комнату с криком, с воплями, как будто тайный притон, вершат черные дела, а она поспела в последнюю минуту, чтобы прийти на помощь.

Оттолкнув старого Чеперуху, Ляля опустилась на колени, обеими руками схватила больную за голову, Катерина сказала, это издевательство и насилие над больным, которому, прежде всего, нужен покой, Клава Ивановна тоже просила отпустить, но Ляля, вместо того чтобы послушаться, закричала:

— Убийцы! Палачи! Я все знаю: Малая пришла к вам, чтоб поделиться радостью, а вы устроили у себя в доме дебош и довели старуху до инсульта, до мозгового удара, чтоб хватил паралич и не могла двигаться! Думаете, пробил час для реванша: ваш Чеперуха терзал Дегтяря, Дегтяря похоронили — теперь на вашей улице праздник! Будет вам праздник на Люстдорфской дороге, давно приготовили для вас место, — Ляля выпрямила два пальца, положила поверх два других, получилось, как у детей, когда показывают теремок, а в нем окошко, — для всего кагала вашего!

Катерина пожала плечами: при чем здесь кагал — она вообще из Сибири. Ляля возмутилась: пусть не перекручивает, она совсем не то имела в виду!

Вернулся Андрей Петрович, остановился в дверях, Иона хотел обратиться, чтоб был ему за свидетеля, как эта женщина оскорбляла всю семью

Чеперухи и грозила тюрьмой, как будто она советская власть и прокуратура в одном лице, но майор тут же перебил и сам обратился к Орловой:

— Слушай, Орлова, ты здесь самозванством не занимайся — в тюрьму людей не загоняй. Потребуется следствие — организуем следствие. Потребуется суд — дойдем до суда. Есть для этого закон, а самозванством не занимайся.

— Бирюк, — Иона развел руки, двинулся навстречу, — я всегда говорил, покойный Дегтярь, если б он был живой и с нами, мог бы тебе подтвердить и повторить мои слова: майор Бирюк, если его посадить на кони, так гикнет, аж ветер в ушах засвистит. Бирюк, дай я обниму тебя.

Андрей Петрович выставил вперед руку, Иона невольно наткнулся, в другое время можно было бы обидеться, но сейчас был неподходящий момент: Клаву Ивановну вдруг сильно вырвало, лицо сделалось серое, под глазами тяжелые мешки, с синевой по краям, видно было, состояние значительно ухудшилось, майор, пока женщины убирали рвоту и смывали пятно, слегка потрепал больную по руке и сказал:

— Малая, потерпи немного: скорая помощь уже едет, сейчас тебя отвезут в больницу, там доктора сделают укол и все что надо.

Первую минуту Клава Ивановна громко ойкала и стонала, но понемногу пришла в себя, опять стала возражать и доказывать, что ей не нужна скорая помощь, не нужна больница, она отлежится у себя дома, все пройдет, а свои хлопоты и заботы пусть оставят для другой цели.

Ляля сплела пальцы, прижала к груди, громко воскликнула:

— Какая другая цель! Какая может быть сейчас цель, кроме одной: чтоб вы опять стали здоровы и были с нами!

Бирюк сказал Чеперухе, чтобы вышел на улицу и ждал у ворот, пока не приедет скорая помощь, а то станут даром тратить время на поиски. Иона ответил, у ворот всегда кто-нибудь стоит, тем более сейчас, так что он будет только пятое колесо в телеге, а здесь он может пригодиться.

Андрей Петрович, чтобы не тревожить больную громкими разговорами, взял Чеперуху под локоть, повел к дверям и сам открыл:

— Повторяю: стой у ворот и жди, пока не приедут.

Первое желание у Ионы было ответить как надо этому солдафону, который забыл, что он не в армии, среди фрицев в Берлине, но за дверью стояли соседи, внимательно наблюдали, Иона вдруг, хотя в мыслях не было ничего похожего, взял под козырек, как будто наполовину шутка, наполовину всерьез, и повторил приказ:

— Есть, товарищ майор: стоять у ворот и ждать, пока не приедут!

Иона успел спуститься на один пролет, в парадную зашла Дина Варгафтик и стала подниматься по лестнице прямо навстречу. Иона вежливо поздоровался первый, можно было ожидать, сейчас начнутся расспросы, но Дина даже не поздоровалась в ответ, не повернула головы, как будто впереди пустое место. Иона машинально замедлил шаг, на какой-то миг приостановился, стал смотреть вслед, а Дина продолжала подниматься по лестнице вверх, ступенька за ступенькой, захотелось догнать ее, плюнуть в физиономию, как плюнула в лицо ему, но Дина уже закончила свой подъем, слышно было, как цокают каблуки по паркету в коридоре, Иона махнул рукой и вышел из парадной во двор.

На черном дворе у крана над сливом стоял со своим разводным ключом Степа Хомицкий. По выражению лица видно было, дело не ладится, Иона спросил Степана, не нужно ли подсобить, тот ответил, тут никакая человеческая сила не поможет, надо просить Джавахарлала Неру, чтобы слонов из Индии прислал, столько наложили. Да, подтвердил Иона, наложили, придется поднимать решетку, делать ревизию всего узла, тем более что возвращается доктор Ланда и глазами медицинского работника посмотрит, до чего довели санитарное состояние двора.

Эге, махнул ключом Степан, пока вернется доктор Ланда, еще двадцать раз успеем обверзаться с ног до головы.

Надо сделать, сказал Иона, как предлагала Малая: поставить у крана круглосуточное дежурство.

— Слушай, Иона, — вдруг перевел на другое Степан, — ты, говорят, старуху Малую трахнул так, что упала без сознания и теперь одной ногой там.

Степан указал ключом в землю. Иона от удивления мог только рот раскрыть.

— Степан, — Иона развернул свою пятерню, ладонь была вся покрыта бурными мозолями, — как ты можешь повторять эти грязные слухи и сплетни! Ты же сам своими глазами столько раз видел, как Чеперуха держал одной рукой Мальчика за копыто, такого мерина Одесса больше не будет иметь, а Мальчик мог только еле-еле ногой подрыгать. Боже мой, — Иона схватился обеими руками за голову, — какая короткая память у людей из двора, где Чеперуха прожил всю свою жизнь, и каждый камень знает его как облупленного!

Память у людей, сказал Степан, как этот слив: хорошее уходит под землю, а дерьмо забивает трубы и остается на виду.

— Степан, — Иона положил руку Степе на плечо, — я тебе скажу, как брату: Дегтярь, если б он был живой, вызвал бы Чеперуху к себе, дал, как

положено, но закрыл бы рот кому надо, чтоб не поливали незаслуженной грязью старейших жильцов двора.

— Такие Дегтяри, — Степан поднял решетку, из-под земли ударил тяжелый воздух, — рождаются один на тысячу, и надо думать, как жить своей головой, а не ждать, пока придет новый Дегтярь, а то будем строить коммунизм еще сто лет, пока не доведем жилой фонд и сантехнику до такого состояния, что никакой золотарь со своей американской бочкой не выгребет.

Иона удивился: американский золотарь? При чем здесь американский золотарь со своей бочкой? Во-первых, у нас есть свои бочки и свои золотари, и не надо звать на помощь американцев. А во-вторых, Иона задумался, видно, не мог сразу найти подходящее слово, а во-вторых, из этого сравнения можно подумать, Степа не верит, что мы можем построить коммунизм. Тогда, сказал Иона, он задаст другой вопрос: если мы не можем построить коммунизм, так что же мы строим?

Степан сказал Ионе, чтобы не перекручивал слова, никто не может ответить точно, в каком году, тем более какого числа, но коммунизм будет не только у нас, будет во всем мире, это факт, взял кусок толстой проволоки, загнул один конец, чтоб получился крючок, запустил в глубь жижи, пришлось заталкивать с силой, потому что скопилась очень плотной массой, и стал шурудить. Иона внимательно наблюдал, со своей стороны предложил Степану помощь, пусть сделает второй крючок, он тоже пошурудит, вдвоем будет быстрее. Степан не откликнулся, так погружен был в дело, Иона сам взял кусок проволоки, наступил ногой, чтобы согнуть, затолкал крючок в массу, завертел с такой силой, что образовалась воронка, сразу видно было, дело пошло на лад.

— Степан, — весело воскликнул Иона, — недаром наши пионеры поют: кто весел, тот смеется, кто хочет, тот добьется!

Степан, хотя налицо имелись явные признаки успеха и были все основания радоваться, наоборот, нахмурился. Всмотриваясь в воронку, которая, в зависимости от скорости вращения, то увеличивалась, то уменьшалась, Степан велел Ионе прекратить движение, сам тоже прекратил, воронка быстро сходилась на нет, наконец, совсем не стало, только подымались пузыри, которые тут же, едва вздувшись, лопались. Иона смотрел с недоумением, как будто не верит своим глазам, настолько разительный был контраст: пока крутили проволокой, воронка в какие-то моменты делалась такой глубокой, что, казалось, сейчас хлынет все в канализацию, и останется только промыть чистой водой.

Степан сказал, придется идти в погреб, снимать колено, делать генеральную ревизию, а то жильцы со второго, третьего этажа добавят — весь двор затопим так, что никакие скафандры не помогут.

— Степан, — обратился Иона, — я пойду с тобой, но сначала надо привести Бирюка, чтобы пошел вместе с нами и увидел своими глазами, что так оставлять дальше нельзя и надо принимать меры.

Степан махнул рукой, незачем звать. Иона сказал, вот так и получается: один махнул рукой, другой махнул — а потом всем двором будем кивать на Ивана, на Петра, на Сидора.

— А кто они: Иван, Петр, Сидор? — разошелся Иона. — Ты, Хомицкий, ты, Чеперуха, ты, Бирюк — мы все Иван, Петр, Сидор, и нечего кивать, а надо прямо сказать: ты хозяин — ты в ответе и призови каждого, чтобы все знали: ты хозяин — ты отвечай!

Степан спустился в погреб. Иона готов был побежать вслед, но на улице завывла сирена "скорой помощи". Иона вспомнил, что должен встретить у ворот, чтобы проводить к мадам Малой, которая, пока он помогал Степану с чистой канализацией, совсем вылетела у него из головы.

Хорошее настроение, которое было, пока работали со Степаном и рассуждали про коммунизм, вмиг улетучилось, на сердце опять легла тревога, как будто должно произойти что-то нехорошее, Иона ускорил шаг, чуть-чуть не опоздал, доктор со своим санитаром уже стояли в подъезде, прямо навстречу вышла Оля, Иона только успел подумать, сейчас начнется истерика и вопли, Оля схватилась за голову, не своим голосом закричала:

— Ой, я предчувствовала! Иона, что с нашими детьми?

Иона невольно засмеялся, так далеко было от истины, ответил, с детьми все в порядке, они сидят дома и пьют чай перед детским садом, а "скорая помощь" — к мадам Малой, майор Бирюк поручил ему встретить у ворот, чтобы даром не тратили время на поиски.

Оля сразу успокоилась и тут же, хотя никто не обращался и не спрашивал, объяснила доктору, что мадам Малая, вместо того чтобы в ее годы сидеть где-нибудь в Александровском садике на скамейке и отдыхать, всегда находит что-нибудь, чтобы крутить мозги себе и другим, можно только удивляться, откуда у старухи берутся такие силы, и, она дает голову наотрез, "скорая помощь" с чем приехала к мадам Малой, с тем и уедет.

В действительности не все оказалось так благополучно, как предвидела Оля. Доктор, старый еврей, вынул из кармана свой фонендоскоп, видно, достался еще от отца или деда, такой был потертый, выслушал мадам Малую со всех сторон, велел приподняться, постукал по спине костяшка-

ми пальцев, Андрей Петрович придержал за плечи, больная сначала терпела молча, но через минуту стала жаловаться на головокружение, доктор разрешил лечь, измерил давление на левой руке, на правой, была небольшая разница, но, в общем, ничего страшного.

Иона, ни к селу ни к городу, поднял сжатый кулак, сделал рот фронт и громко произнес:

— Наша старая гвардия!

Больная улыбнулась, подняла ко лбу правую руку, получилось вроде пионерского салюта, доктор похлопал по плечу, да, старая гвардия это старая гвардия, майор Бирюк сказал, тем более надо беречь и обеспечить медицинскую помощь в первую очередь. Доктор на миг задумался, взял больную за руку, непонятно было, щупает пульс или просто держит, чтоб подбодрить, и объявил решение: стационар.

Ляля Орлова сразу состроила гримасу, как будто предлагают отвезти не в стационар, а неизвестно куда, чуть не на кладбище, мадам Малая категорически заявила, что никуда не поедет, она отлежится дома, во дворе всегда найдется кто-нибудь, чтоб мог присмотреть, если понадобится. Катерина Чеперуха откликнулась первая, она готова хоть сейчас, но майор Бирюк приказал женщинам, пусть соберут минимум вещей, необходимых пациенту для больницы, велел санитару принести носилки, через пять минут все было готово, мадам Малая, когда принесли носилки, опять заартачилась, пришлось укладывать чуть не силой.

Санитар встал у носилок сзади, майор Бирюк велел Ионе, пусть возьмет с головы, а сам расположился сбоку, чтобы в случае надобности подхватить.

Больную отвезли в Сталинскую райбольницу, на углу Троицкой и Карла Маркса, по-старому Екатерининской. В приемном покое дежурный врач, молодая блондинка, большие серые глаза, на голове крахмальная шапочка, внимательно осмотрела, спросила, на что больная жалуется, мадам Малая ответила, у нее одна жалоба, она хотела, чтобы оставили дома, а ее насильно уложили и привезли сюда.

Доктор велела закрыть глаза, нажала пальцами на веки, больная невольно застонала, доктор удивилась, неужели так больно, вынула из халата булавку, сделала несколько уколов в лоб, подбородок, потом в пальцы рук и ног, всякий раз, укалывая, задавала вопрос, чувствует ли больная укол и есть ли разница, Клава Ивановна отвечала, что укол чувствует, а есть ли разница, сказать не может: то кажется, что есть, то кажется, что нет.

Хорошо, сказала доктор, пусть больная полежит, она сейчас вернется.

Сейчас, как рассчитывала доктор, не получилось, прошло хороших

полчаса, пока вернулась и привела с собой еще одного доктора, по лицу чем-то напоминал Ланду. Доктор держал в руках никелированный молоточек, внимательно посмотрел в глаза, поднес молоточек больной к носу, провел несколько раз направо, налево и велел следить взглядом. Клава Ивановна просила, не так быстро, она не успевает поворачивать глаза. Доктор сказал, наоборот, это он поворачивается так, что в Древнем Риме его называли бы Кунктатор-Медлитель, как ихнего генерала Фабия, который прославился своей медлительностью, когда один семит, по имени Ганнибал, из африканского города Карфагена, стоял у ворот Рима и кричал своим гортанным голосом: "Эй, римляне, посмотрите налево, посмотрите направо: везде я, Ганнибал, со своими слонами!".

Повторяя команду, какую Ганнибал давал римлянам, чтобы смотрели налево и направо, доктор убыстрял движение молоточка, и Клава Ивановна невольно следила, как будто команда относилась к ней. Доктор похвалил, назвал молодцом и сказал, если бы у всех наших людей были такие рефлексы, можно было бы закрыть все больницы. Общество с такими рефлексами, сказал доктор, не нуждается в больницах.

— О, — обрадовалась Клава Ивановна, — когда приехала "скорая помощь", я говорила то же самое: я не хочу в больницу, я полежу у себя дома — и все пройдет.

Доктор велел Клаве Ивановне присесть, опустить ноги на пол, взял за руку, слегка ударил молоточком по локтю, потом ударил по коленкам, руки и ноги дергались в ответ, было немного смешно и забавно, Клава Ивановна засмеялась, доктор сказал, рефлексы, как у молодой девушки, пока не успела еще истрепать себе нервы, и дал свое заключение: прямых показаний к госпитализации нет, щадящий режим в домашних условиях.

Клава Ивановна, когда услышала, первым делом потребовала книгу жалоб и предложений. Доктор спросил, что больная хочет написать: жалобу или предложение? Больная ответила, она не хочет писать ни то ни другое — она хочет написать благодарность. Доктор указал пальцем вверх:

— Благодарить надо его, а доктору достаточно сказать спасибо.

— Ах, доктор, — зажмурилась Клава Ивановна, в уголках выступили слезы, — вы так похожи на нашего доктора Ланду, что просто душа болит. Но, слава Богу, мы ждем его уже не сегодня-завтра домой. Вы, наверно, слышали радио: Берия дал приказ всех докторов освободить и вернуть домой.

— Да, — сказал доктор, веселое выражение вдруг сошло с лица, как будто совсем другой человек, — всех, за исключением тех, которые уже вернулись домой.

Клава Ивановна сначала не поняла, кого доктор имеет в виду, потому что приказ товарища Берии первый раз передавали сегодня утром, а приказ есть приказ: без приказа из тюрьмы не выпускают и не освобождают. Но тут же мелькнула догадка, что доктор имел в виду не дом, где люди живут, а совсем другой дом, про какой уместно было бы слышать от покойной Сони Граник или Тоси Хомицкой, которые готовы были день и ночь торчать в синагоге и церкви, но не от интеллигентного человека, которому советская власть дала высшее образование.

— Доктор, — улыбнулась мадам Малая, — спасибо за внимание и заботу, но перед уходом я хотела бы, чтобы вы мне ответили на один вопрос. Первый раз вы сказали, кого надо благодарить, и показали пальцем в небо. Нетрудно было догадаться, кого. Но можно было подумать: это просто так, шутка. А второй раз, когда вы сказали про арестованных докторов, что некоторые из них уже навсегда вернулись домой, то есть на тот свет, это тоже была шутка? А если не шутка, так объясните, доктор, чтобы мы вас поняли, какой смысл вы имели в виду.

Доктор покачал головой:

— Я не сказал, навсегда вернулись домой. Я сказал: вернулись домой. Но вы поняли как надо. Именно этот смысл я имел в виду.

— У профессора Вациса, — сказала доктор, которая до этой минуты стояла молча и не вмешивалась в разговор, — арестовали двоюродного брата, профессора Шмульяна, уролога. Он не дождался приказа товарища Берии. Семья получила извещение.

— Вы сами видели, своими глазами? — Клава Ивановна рывком поднялась, забыла, что доктор предписал ей покой и щадящий режим, схватилась обеими руками за голову. — Боже мой, если это правда, значит, с нашим Ландой тоже могло случиться...

Клава Ивановна не договорила, внезапно закружилась голова, упала на подушку, и тут же ее вырвало.

Няня принесла влажную тряпку, стряхнула рвоту в урильник, немного попало на края, няня смела ребром ладони, сложила тряпку, чтоб снаружи была чистая сторона, вытерла руки, сказала, она помнит больную, зимой приходила в терапию, к одному пациенту, говорили, партийная шишка, лежал в отдельной палате, помер. А теперь сама...

— Няня, — перебил профессор Вацис, — спасибо, можете идти.

Клава Ивановна лежала с закрытыми глазами, лицо было бледное, веки как будто припорошены землей, профессор Вацис сказал, нет худа без добра, кажется, готовы были поторопиться, придется повременить. Надо отвезти в палату.

Доктор покачала головой: в палатах ни одной свободной койки.

— Пусть поставят койку у меня в кабинете, — сказал профессор Вацис.

Клава Ивановна открыла глаза:

— Где я? Я хочу домой. Отпустите меня домой. Доктор, — Клава Ивановна обратилась к профессору Вацису, поманила пальцем, — наклонитесь ко мне: я хочу сказать вам что-то на ухо.

— Голубушка, — профессор Вацис похлопал больную по плечу, — лежите спокойно. Вы слишком близко принимаете все к сердцу. Поберегите себя.

— Доктор, — опять поманила пальцем Клава Ивановна, — я хочу вам сказать по секрету: когда вернется наш Ланда, я познакомлю вас, и вы будете первые друзья. Хорошие люди должны дружить между собой.

